

Социологический аспект классифицирования философских концепций

Научный руководитель – Кузнецов Василий Юрьевич

Карпов Сергей Евгеньевич

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Москва, Россия
E-mail: ksedgm@gmail.com

Постановка «основного вопроса» философии (идущая от Гегеля и развиваемая в марксизме) предполагала различие всех философских концепций на «идеализм», «дуализм» и «материализм» (далее «ИДМ»). Такое различие (понимаемое как классификация), вслед за порождающим его вопросом, мыслилось как «основное». Критика этой классификации касалась 1) неадекватности ее с логико-категориальных позиций (в силу исторической изменчивости образующих ее понятий и их связей) и 2) проблематичности ее претензий на «главенство» (в силу выделения некоторыми философами иных вопросов как «основных») [12].

Первый пункт критики может быть отведен (или смягчен) посредством перехода от классических представлений о категории к неклассическим. Так, например, использование прототипического подхода позволяет «вобрать» в категорию различные представления о понятиях «мышление», «бытие» и их связи и при этом проклассифицировать поле концепций таким образом, чтобы избежать логической эквивалентности членов внутри категории (вместо этого категории градуируется от прототипических членов к периферийным). Эта эквивалентность, присущая классическому подходу, выявляла при классифицировании неадекватность ИДМ-представления [3, 8].

Ответ на второй пункт критики едва ли возможен без того, чтобы отказаться от идеи «главенства» ИДМ-различия для философских концепций. Этот отказ связан прежде всего с тем, что для разных философов (и разных исторических эпох) важными и интересными могут быть разные проблемы [4]. Последнее наводит на мысль о различии подразумеваемых философами ценностей, целей и средств их достижения. Эту мысль можно рассматривать в качестве отправной точки для другого различия философских концепций - на «классические», «неклассические» и «постнеклассические» (далее «ПНК-различение») [6, 11].

В отличие от ИДМ-классификации, ПНК-различение не предполагает жесткой трактовки собственных категорий и не пытается позиционировать себя как «основное». Более того, это различие вводится таким образом, чтобы быть когерентным постнеклассической перспективе. Тем самым производится попытка избежать противоречия «между системой и методом» или, что точнее - между построенным и способом построения (чего не удалось, как известно, избежать в своей концепции зачинателю «основного вопроса» философии Гегелю) [5].

Если учесть критику ИДМ-классификации, т.е. допустить неклассичность ее построения и отказаться от ее редуционистских претензий, то возникает вопрос: можем ли мы сказать что-то о соотношении этих двух различий (ИДМ и ПНК), кроме того, что каждое из них может оказаться значимым (и наоборот), в зависимости от выбора определенных ценностей, целей и набора классифицируемых концепций? Имеется ли у нас какой-то инструмент для сравнения этих классификаций или мы неизбежно приходим здесь к соображениям в духе Куна о «несоизмеримости парадигм» (тем более что речь идет о разных основаниях деления) [7]?

Для ответа попробуем обратиться к социальному измерению вопроса. В латурианской перспективе ситуацию можно увидеть так. Для адептов описания философии, которое базируется на ПНК-различении (будем далее называть их ПНК-актерами), оказывается важным решить ряд задач, чтобы их описание стало значимым в философском обществе. Прежде всего необходимо сделать это различие максимально «зримым» и «выпуклым», преодолевая при этом «сопротивление» классифицируемых философских концепций (которые не позволяют интерпретировать себя как угодно). Затем необходимо переписать интересы философского сообщества так, чтобы это различие предстало таким образом, что не замечать и не учитывать его далее (в своих построениях и суждениях) становится едва ли возможным [9].

При этом даже если самими ПНК-актерами коренная перестройка философского сообщества (через изменение его самопонимания) не подразумевается, то она не может не произойти, если это различие будет принято сообществом как значимое и убедительное. За счет чего срабатывает эта убедительность? В первую очередь за счет того, что ПНК-актерам удастся продемонстрировать философскому сообществу, что это различие затрагивает позицию каждого его участника неустрашимым образом. Такие пассажи как «"отмыслить" уже нельзя», «отныне интерпретация всегда будет ставить вопрос "кто?"», иллюстрируют стремление ПНК-актеров указать на эту всеобщую «затронутость» [11, 13].

В этом смысле идеологи ИДМ и ПНК-различений работают схожим образом: в обоих случаях они пытаются перестроить дискурс таким образом, чтобы указать возможные и, предположительно, наиболее перспективные направления, а также маргинализировать тех, кто пытается «выпасть», «ускользнуть» от него [13]. При этом внутри сообщества возникает сопротивление такой перестройке дискурса. Так, структурализм и, особенно, постструктурализм, можно рассматривать как течения, стремящиеся выйти за пределы ИДМ-классификации или, по крайней мере, обесценивающие само такое деление, снижающие напряженность проведенных этой классификацией линий до такой степени, что различие перестает выглядеть адекватным и осмысленным в текущей ситуации. И несмотря на то, что, в отличие от ИДМ, ПНК-различение по-прежнему сохраняет свою актуальность, напряженность и интригу (хотя бы потому, что после волны неклассически-ориентированных концепций, вновь возникают попытки «повторить жест Платона», т.е. вернуться к возможностям редукций), едва ли позволительно утверждать, что так дела будут обстоять и дальше, и что ПНК-различение не будет оттеснено каким-нибудь иным, более адекватным текущему философскому дискурсу [1].

Как хорошо видно из критики ИДМ-классификации, каждая философская концепция способна оказывать некое «сопротивление» попыткам рассмотреть ее в рамках того или иного различения (или описания). Если конкретный философ не берется за решение «основного вопроса» философии, а, наоборот, разворачивает иную проблему как центральную, то будет довольно проблематично убедительно вписать его концепцию в ИДМ-схему. Так мы можем начать вопрос об «агентности» концепций. С одной стороны, кажется, что агентом является не сама концепция, а ее автор, который определенный смысл в эту концепцию пытался вложить (и именно он мог бы как агент сопротивляться попыткам переписать его концепцию «некорректным» образом или в «чужом» дискурсе, что мы и наблюдаем в многочисленных полемиках между философами). Но с другой стороны, концепция, зафиксированная в конкретном тексте, является уже в определенном смысле вещь-в-себе, непрозрачной в том числе и для самого автора и открытой для внешних интерпретаций [2]. Дальнейшие уточнения автором того, что именно он «имел в виду» или как именно он «считает сейчас», могут рассматриваться как повороты в творчестве, как новая концепция. И в этом смысле об агентности конкретного философского текста,

думается, говорить уместно. Именно текст в итоге позволяет (или не позволяет) описать и переописать концепцию в рамках того или иного дискурсивного различения.

Исходя из такой позиции, кажется, можно сказать кое-что о соотношении рассматриваемых различий. ПНК-различению пока удастся успешнее преодолевать сопротивление концепций, лучше «перемалывать» их своей «машиной различий». Однако это не означает, что это перемалывание осуществляется автоматически и в любой ситуации. «Локомотив» ПНК-различения поедет только тогда, когда проложены «рельсы», т.е. когда желающими классифицировать посредством этого различения соблюдаются определенные правила (отраженные в образе ПНК-мышления), а также выделяются и интерпретируются важные для него триггеры и понятия.

Источники и литература

- 1) Бадью А. Манифест философии. — СПб.: Machina, 2003.
- 2) Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
- 3) Витгенштейн Л. Философские работы / пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. Ч. I. — М.: Гнозис, 1994.
- 4) Делёз Ж. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. — М., СПб.: Институт экспериментальной социологии, Алетейя, 1998. — 288 с. Переизд. 2014. М.: Академический проект, 2009.
- 5) Кузнецов В.Ю. Единство мира в постнеклассической перспективе. М., 2016.
- 6) Кузнецов В.Ю. Классические и неклассические стратегии философии // Идеи и Идеалы. - 2013. - №1. - Т.1.
- 7) Кун Т. Структура научных революций. Перевод с англ. яз. И. З. Налётова. М., 1975.
- 8) Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б.Шатуновского. — М.: Языки славянской культуры. 2004. 792 с. (Язык. Семиотика. Культура).
- 9) Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". - М., 2014.
- 10) Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. М., 2004.
- 11) Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классическая и современная буржуазная философия // Вопросы философии, 1970. — № 12. — С. 23–38; 1971. — № 4. — С. 58–73.
- 12) Никифоров А. Л. О месте «основного вопроса философии» в системе философского знания // Диалектика фундаментального и прикладного. М., 1989.
- 13) Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.